

Андрей Накагава

ПРАКТИКИ ОСОЗНАННЫХ СНОВИДЕНИЙ

книга первая

Удивительные
истории из снов.
Реальнее и чище
прикосновение иного.
Какая глубина
и понимание
духовных слов.
Но память, память
остается за порогом

Андрей Накагава

**Практики осознанных сновидений.
Книга первая. Удивительные
истории из снов. Реальнее и
чище прикосновение иного.
Какая глубина и понимание
духовных слов. Но память,
память остается за порогом**

«Издательские решения»

Накагава А.

Практики осознанных сновидений. Книга первая. Удивительные истории из снов. Реальнее и чище прикосновение иного. Какая глубина и понимание духовных слов. Но память, память остается за порогом / А. Накагава — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859018-4

Автор описал четвертое состояние осознания — осознающее себя пространство, не привязанное к какому-либо телу — это позиция наблюдателя сновидения. В этой книге заложено понимание заповеди — возлюби врага своего как самого себя.

ISBN 978-5-44-859018-4

© Накагава А.
© Издательские решения

Содержание

Синописис	6
Мой парад	8
Обида	9
Покаянную голову меч не сечёт	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Практики осознанных сновидений
Книга первая. Удивительные
истории из снов. Реальнее и чище
прикосновение иного. Какая глубина
и понимание духовных слов. Но
память, память остается за порогом**

Андрей Накагава

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Андрей Накагава, 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-9018-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Синописис

Моя первая книга, «Практики сновидений», будет интересна практикующим осознанные сновидения, познающим свои тонкие тела, знакомым с трудами К. Кастанеды и интересующимся эзотерическими знаниями. С древних времён люди словно разделили присутствие своего осознания в трёх мирах или реальностях – это Правь, Навь и Явь.

Явь, или физическая, трёхмерная реальность, в которой мы обитаем, поглощает восприятие большинства людей, лишая их возможности осознавать реальность Навь, или, говоря современным языком, мир сновидений. Для практики осознанных сновидений нужна энергия осознания, чем больше этой энергии, тем значительнее опыт самопознания. Большие потери энергии осознания связаны с глупыми внутренними переживаниями, такими как обида, зависть, гнев, презрение, алчность и так далее. Можно и нужно изучать свои чувства, стать экспертом своих внутренних эмоциональных переживаний, провести их ревизию или пересмотр и отказаться от ненужных внутренних негативных переживаний. Чувства – предвестники наших внутренних переживаний. Именно в этот период можно и нужно делать выбор, погружаться ли в тотальное внутреннее переживание того или иного состояния своей души. Например, в состоянии обиды человек может находиться от нескольких часов до нескольких лет. Сын может обижаться на родителей и не общаться с ними, и только после их смерти может прийти позднее раскаяние. Всего этого ему можно было избежать, если на начальном этапе, на уровне первых чувств обид на своих родителей, он признал своё неправильное отношение к ним или просто простил их. Супруги могут переходить друг за другом в состоянии обиды, переводя это в ссоры и конфликты, предательства и измены. Если смотреть отрешённо, с позиций тонкого плана, что происходит в моменты гнева, обид, похоти и прочих проявлений низменных негативных внутренних переживаний человека, можно видеть выбросы или тление психической энергии. Невидимые человеческому глазу паразиты тонкого плана питаются этой психической энергией людей. Вопрос может быть и спорный, существуют ли подобные паразиты, но ответить на него каждый способен сам себе, прекратив терять свою психическую энергию, обуздав свой ум и бесстрашно взглянув на тонкий мир.

Избавиться от негативных внутренних переживаний, таких как обиды, зависть, ненависть, ирония, осуждение, презрение, всех этих и прочих «достижений» собственной гордыни, можно, только контролируя свой ум, свой ум чувств. Необузданный ум пасётся на полях невежества трёхмерной реальности, в которой мы обитаем, черпая слова и мысли, связанные с гениталиями, срамными местами, экскрементами и прочими выделениями плоти. Это мат, низменные обороты речи, оскорбления и унижения человеческого достоинства, в первую очередь собственного.

Контроль своего ума – это прежде всего контроль своих мыслей, умение распознавать их посредством своих чувств. Нужно научиться любить себя, избегать потерь своей психической энергии, достигнув отрешенности от собственных негативных чувств и мыслей. Нам в наследство достались так называемые русские духовные слова и термины, которые не востребованы в нашей трёхмерной реальности. Все они связаны с душой человека и уровнем его осознания. Слова «нравственность», «совесть», «честь», «искренность», «любовь», «благость» и прочие, как я и говорил, не востребованы в наше время, мало кто из людей может дать им определение. Зато мы можем успешно раскрыть смысл привычных нам слов, таких, например, как «зависть», «осуждение», «ненависть», «презрение», «чинопочитание», «раздражение», «обиды», «чувство вины», «жалость к себе» и так далее. Поскольку это и есть та среда невежества, в которой пребывают наши души. Желание, намерение вырваться из этой среды вне всяких сомнений вовлечёт в удивительные путешествия в реальности сновидений.

Русский менталитет связан с душой. Душа русского человека устремлена к Богу, любви и добру, что само по себе уводит его ум из плоскости невежества.

*Русский дух с душой, с Богом и победой связан.
И с пониманием духовных русских слов.
С неизречённой красотой и мудростью народных сказок.
Он разум человека пробуждает посредством нереальных снов*

Процесс бдения и самоосознания вне низких психических энергий физической реальности продолжится и в реальностях осознанных сновидений.

По сути, заповеди нам даны для того, чтобы накапливать энергии осознания. Более того, низкие психические энергии разрушают потребителей и носителей этих энергий в виде болезней плоти, души и негативных сценариев в жизни. Как тут не вспомнить изречение Будды: за гнев твой тебе ничего не будет, сам гнев станет для тебя наказанием. Практики осознанных сновидений начинаются в физической реальности как результат пересмотра своих эмоциональных внутренних переживаний, изучения и распознавания их. Для удобства для себя я записал подобный пересмотр в стихотворной форме.

Мой парад

*Стою, ведь я здесь главный,
И принимаю свой парад.
Вот первую идёт моя гордыня,
Несёт приветственный плакат.
Ты славный, самый лучший, с тобой кто рядом, тот дурак!
А почему дурак, нет времени подумать.
Вот вышла зависть и в меня идёт.
Смотреть в глаза, меня ты должен слушать.
У всех всё есть, а у тебя, мой идиот?
Стою, внутри кипит «убью, зараза».
Кого бы этим чувством одарить?
Гляжу на всех, прищурившись в полглаза.
На цепь бы кого рядом посадить.
Куда пошла? Здесь располагаться.
И ни на шаг чтоб от меня!
Вот и ревность вышла поругаться.
Ведь мы одна с тобой семья.
Сижусь и не смотрю, какой же я плохой!
Зачем я это делал, для чего?
А, здравствуй, стыд, давно не виделся с тобой.
Не могу я выносить, поверишь, духа твоего.
Лежу, куда-то понесли, на все плевать.
Отчаянье?! Но как я должен парад свой принимать!
Куда же принесли? Приветик, лень!
Привет! Туда же, дурень, снова на кровать.
Кричу, зевая: «Здравствуй, солнце!» – нет ответа.
«Ну, здравствуй, мир!» – и все молчат.
Советчики мне шепчут в ухо: «Вот видишь!
Где среди них искать теплого приветя?
А ты ведь нам отец, а где-то сын и даже брат!»*

Обида

*Обида посадила вас на карантин,
Душевностью запрещено общаться.
Плаксиво-гневный выписан режим,
С разумом рекомендовано расстаться.
Дружеский совет вам не положен,
За круг обиженных людей не выходить.
Полезен сон, если он тревожен,
В одиночестве учитесь жить.*

В настоящее время несложно подобрать для своих практик осознанных сновидений те или иные методы, предлагаемые разными мастерами. Моя практика сновидений начиналась с многих приёмов и условностей. Например, был дом из моего детства. Когда мне снится мой дом детства, которого уже нет в этой реальности, его давно снесли по ветхости. Оказавшись в сновидении рядом с ним, я во сне уже чётко понимаю, что нахожусь в сновидении, и уже со двора моего дома начинается практика осознанного сновидения. В этом месте нужно определиться с терминами «знание» и «понимание», смысл этих слов различен. Знание – это функциональность интеллектуального ума человека, тогда как понимание – это функциональность всех трёх умов: ума физического, через восприятие пяти органов физического тела, физической реальности, ума чувств, а также интеллектуального ума. Простой пример: можно в совершенстве знать теорию плавания, какие группы мышц участвуют в этом процессе, как на него влияет удельный вес воды и так далее, но без практики это бесполезные знания. Понимание, что такое плавание в воде, обретается задействованием всех трёх умов. Физический ум – через ощущение воды, работу мышц, дыхания, пульса и прочих физических параметров плоти. Ум чувств – через эмоциональные переживания контакта с водой, преодоление страха, радость, эмоциональный подъём и так далее. И собственно функциональность интеллектуального ума – в изучении техник плавания, выбора мест и условий и так далее. Физический ум – это наши ощущения, ум чувств – это наши чувства, интеллектуальный ум – это наши мысли. Чтобы избавиться от негативных внутренних переживаний, нужно контролировать свой ум, контроль ума – это контроль своих мыслей. Пункт наблюдения за своими мыслями – это наши чувства. Искренность, совесть, справедливость, честность с самим собой – это прежде всего чувства. С позиций этих чувств лучше всего наблюдать за своими мыслями.

Практики осознанных сновидений позволяют практикующему познать своё тонкое тело сновидения. Начинается это с осознания и видения своего спящего тела. Осознавая себя в своем новом, тонком теле, практикующий удивится возможностями своей новой оболочки. Это и возможность проходить сквозь материальные препятствия, и мгновенное перемещение в пространстве. Отсутствие гравитации – это первое, что приходит в голову, находясь в своем тонком теле. Но это не великое достижение человеческого осознания, тем более что это произойдёт само собой после завершения его жизни. Проблема в том, что там, за жизнью, есть некое хранилище душ, называемое астральным планом. У него много названий, одно из них – долина проклятых. Не обузданный при жизни ум будет таскать осознание по этой пустыне, погружая в реальности страданий и душевных мук. Например, «умер» и «помер», казалось бы, какая разница, если финал один – смерть. На самом деле, знание астрального плана, возможностей своего тонкого тела, стремление к свободе и наполнение своей души энергиями любви раскрывают значение этих древних русских духовных слов. «Умер» означает, что осознание человека, напитанное низкими вибрациями алчности, гнева и похоти, не может

выбраться из низшего астрального плана земли. Оно, осознание, осталось у этого мира, впоследствии воплощаясь и попадая в колесо перерождений. «Помер» означает, что осознание человека, получив свободу, пошло по мирам. Путешествовать и познавать иные миры можно лишь будучи высоконравственной сущностью.

Поэтому лучшим достижением человеческого осознания будет выход из собственной гордыни, которая цепко держит осознание человека различными страхами. Осознание, вышедшее из гордыни, обретает свободу, о которой человек не имеет представлений. Осознание, не привязанное к какому-либо телу, физическому или тонкому энергетическому, переходит в осознающее себя пространство. Примером такого пространственного осознания и является приведённое ниже восстановленное в памяти и привязанное к привычной трёхмерной реальности осознанное сновидение, которое я назвал «Путь меча и молитвы». Пространственное осознание, не привязанное к какому-либо телу, гораздо функциональнее, чем возможности тонкого энергетического тела сновидений. Доступно осматривать в приближении любые объекты, сочувствовать, сопереживать эмоциональность людей, видеть их мысли и желания, это так называемая эмпатия. Мгновенно перемещаться в иные реальности, которые каким-то неведомым образом связаны друг с другом. Я бы сравнил это с бусами, на нить которых нанизаны различные реальности из разных уровней бытия. Нить этих бус – это восприятие пространственного осознания.

*Удивительны истории из снов.
Реальнее и чище прикосновения иного.
Какая глубина и понимание духовных слов,
Но память, память остается за порогом.*

Покаянную голову меч не сечёт

Вижу группу людей, русские военные, видимо, попали в плен к японцам. Мужчины разные, характер, воля, возраст, есть даже совсем юный. Также вижу мысли их, подавлены они судьбой, внимание моё приковано к тому, кому, как кажется, всё нипочём. Быть может, пьян он? Кучерявый, озорной, чуть-чуть не зрелый возраст. Весёлый, беззаботный, вероятно, человек. Рассказывает всем, ему-то умирать не страшно, поскольку женщин было много, и бесшабашно жизнь свою провёл. В вине, веселье, картах и забавах. Пусть даже с женой начальника его роман безумный сюда сегодня на эшафот привёл. Пословицы и шутки, словно нет и не было войны, нет стражи, клетки и расстрела, который всех их ожидал. А также жалость к юноше, кому вообще умирать сейчас бы рано, казалось, своим он опытом непрожитую жизнь его, своим воспоминаньем восполнял.

– А что мы, господа, сидим, а где вино? Макар, иди сюда. Сходи ты, бестолочь, и попроси вина у этих обезьян.

И тот, кого Макаром кличут, пытается сказать, взывая к разуму, мол, это невозможно, они в плену, и вряд ли им японцы возьмут и подадут вина. Какая смесь, любви, заботы, чиновничества, раболепия и преданности, я у Макара увидел, хоть внешность не запомнил вовсе. И зуботычиной, меня потрясшей, спор их прекратился. Голову свою склонив, пошёл Макар и переводчику-японцу просьбу изложил. На что противник очень удивился, но, хитро улыбнувшись, к начальству побежал. Привык в видениях ничему не удивляться, но видеть, чтоб генерал с подносом и полотенцем на руке входил к врагам пленённым в клетку?! С поклоном и улыбкой?! Пожалуйте вина! Какая сцена! Всё тот же кучерявый человек, что заказал вина. Одной рукою в бок, и горделиво задран подбородок, открытая ладонь второй руки, указывает всем:

– Вот, господа, нам принесли вина, они же люди, хоть и собаки. Позвольте, генерал, зачем понадобилась вам моя рука?

Я вижу, крепко сжал его ладонь японский генерал.

– Эй, переводчик, что он там лепечет, коверкая поганый свой язык?

Как будто пытаюсь что-то разглядеть в руке у русского солдата, очки поправив, с ухмылкой и презрением ответил переводчик:

– Спросил вас генерал, ведь вы не воин, что делаете здесь, идёт война?

Высокомерие, ненависть, ирония, ответное презрение сквозь человека кучерявого, сказало:

– Пытаюсь выпить, хочет, в карты поиграем, ему какое дело? Что, кроме смерти, мне он может предложить?

Пусть смотрит, как русский с честью умирает. Молча генерал покинул клетку, оставив неприятелю поднос. Потом отдал распоряжение, кого-то вывели во двор. Похоже, это был японец, в форме без погон. А впрочем, кто их разберёт, богата азиатами земля. Чувствую, видение теряю, ирония опасна для меня. Растратчик, казнокрад и вор. Таков был смысл приговора, несчастный на коленях, всё лицо в слезах, молчал. Протянутые связанные руки, и просто, безучастно своей казни ждал. Напротив переводчик оживлённо переводил всё русским:

– Сегодня, я вас поздравляю, честь выпала увидеть вам приём, доступный самураям. На взлёте меч срубает кисти и, опускаясь, голову снесёт. Есть у него красивое и древнее название. Он грациозен и изящен, лёгкий, словно бабочки полёт.

Какая красота возможна в смерти? От холода всё съёжилось в моей груди. Одно мне придаёт покой – это всё видение. Я безучастный зритель, весь смысл, вся истина, главное – не потерять контроль эмоций где-то впереди. И из всего кошмара запомнилось одно: взлетели срубленные кисти, и покатились одиноко голова. Потом она остановилась, сверху павшие ладони

словно уши закрывали. Будто кто, закопанный по шею в землю, с немым вопросом: «Что же наделал я?» Потом сам генерал, что казнь правил, кровавой саблей указал тому, кому поднос он подавал, на место рядом с павшим телом. И переводчик с той же хитрою ухмылкой, мыслями своими упиваясь, переводя, им от себя сказал:

– Кажется, вы генералу, как это на русском, полюбились? Каждому из вас даёт он шанс с оружием в руках или казненным умереть. Честь отстоять или безропотным скотом попасть под пули.

Господи, а сколько пафоса! А превосходство и презрение сочит сквозь все движения его! И этим он похож на кучерявого солдата. Роднит не кровь, роднят их чувства. Но сам себя ловлю на осуждении, и этим видение свое я удержал. Из разговоров пленных меж собой узнал, что кучерявого зовут Евгений. Уставился японский палец на него.

– Всё это будет на одном условии, если пройдёт он через такую казнь, что видели сегодня, ведь он не воин, господин Кародо ему позволит свою карму просмотреть». И замер говоривший в почтеннейшем поклоне. В смятении Евгений, наверное, близость смерти, всех трезвит.

– Что он говорит? Понятные как будто бы слова, но, что о чём, мне не понять?

Ему ответил человек, соратник по оружию. Он крепко сложен, в плечах косая сажень. Уверенность в себе, в своей же силе. Такому лишь бы воевать.

– Он говорит, что если вы, Евгений, пройдёте через казнь, то они позволят с оружием в руках за вас нам отомстить. Поверьте мне как старому вояке, тварь узкоглазую приятно будет наказать. Своею саблей я ему такой полёт устрою.

– Понятно, Михаил, а вы что все молчите? Ну, Юрка-то понятно, он ещё малец, а вы, Никита?

– А что я, будь у меня мой револьвер, пусть даже на дуэли, его бы однозначно пристрелил. А всю оставшуюся обойму в этих тварей разрядил. Хоть семь убитых мной японцев вместо цветов вам на могилу положил.

Внешне худощав, усики, бородка, но внутренне мне не понятен человек, Никита

– А вы, Борис?

Вот этот мне знаком, таких, по жизни много повидал. Отцом скинхедов я б его назвал, судя по ответу.

– Дайте мне только шанс, Евгений Петрович, вы же знаете моё отношение к этим косоглазым. Я этих нелюдей всей своей душой ненавижу, мочил их везде, где можно и нельзя, и мочить буду. До самой моей смерти. Да я его зубами загрызу, даже если у меня не будет оружия. Господи, когда же земля наша русская освободится от всей этой погани. Русская земля должна принадлежать только русским.

В подтверждение своих слов, он яростно сотряс решётку. Евгений, закончив свой опрос, к последнему солдату обратился.

– Силантий Петрович, спрашивать вас бесполезно, вы моралист. Вы далеки от духа русского.

И вновь, я вижу, окрылён Евгений! На смерть идёт, как будто бы на бал. Отпив вина последние остатки, пустой бутылкой словно эстафету веселья, безрассудства, удали лихой собратьям передал.

– Пусть будет по-вашему, русские в беде друг друга не бросают. Отомстите им за меня, ребята. Хорошо, хоть бинты принесли, запястья перевязать, заботливые твари.

Вижу, безропотно идёт Евгений, с гордо поднятой головой, на место казни. Медленно он на колени встал, перекрестился, руки протянул. Их перевязали, возможно, для того, чтоб много крови не терял. И молвил:

– Подойди, Силантий.

И тот, кого позвал он, подошёл немедля. Никто его задерживать не стал.

– Прошу, побудь со мной. Мне так спокойней.

Безжалостной и черной тучей подошёл к ним генерал, Силантия чуть в сторону подвинув, кому-то что-то приказал, так быстро по запястьям ударил сверху вниз мечом и отошёл, оставив их вдвоём.

– Господи, как больно, почему, Силантий, меня он не убил? Зачем он мучает меня, скотина?

– Не знаю, Женя, чем тебя утешить. Может, чтоб ты молитвы прочитал? До крови губы свои кусая, сквозь зубы порицал Евгений.

– Ты неисправимый моралист. О чём, скажи, молиться? Хотел я быстро умереть. Что ждать ещё от этого ублюдка. Молиться? Хорошо вам рассуждать. Не вас же на куски кромсают. Уж лучше б пуля в лоб. Как это больно. Зачем я согласился?

– Евгений, отец мне говорил, где гордыня сопли утирает, там совесть духовный опыт обретёт. Совесть – это тонкий инструмент спасителя нашего Иисуса Христа, которым он отделяет душу нашу от плоти, смертью обрезая пуповину. Всё, что нам предстоит, – это поверить, довериться Богу всем нутром своим, без оглядки.

Руки все в крови вдруг опустились, и взгляд стал твёрдым, словно ожил прежний тот Евгений, что любит спорить, рассуждать. Во взгляде том, не вижу боли.

– Опять вы за своё? Не полюблю я в жизни, врага, как самого себя. Смириться с тем, что медленно меня он убивает? Как будто бы вы с ним. Вы русский? Вообще вы за кого?

Ответ Силантия меня вдруг восхитил и поразил. И хорошо, что мне хватило сил видение, что вижу, удержать.

– Русский язык – духовный язык. Знание его делает человека контактным, а понимание – свободным. Быть русским – значит, стремиться к пониманию высших, духовных истин человеколюбия, самопожертвования ради любви. Вот вы только подумайте, как точно обозначили словами наши предки непотребные душе нашей черты характера. Зависть, ненависть, жадность, жестокость и многое другое. Эти внутренние чувства понятны нам обозначением слова. Русский дух стремится к пониманию иных, высших состояний души. Высочайшая из них, конечно же, любовь. Ибо Бог есть любовь. Соответственно, мы стремимся к пониманию Бога. И в этом нам помогает русский, духовный язык. Вот вы сказали о смирении, а между тем нужно понимать значение этого слова.

Воскрес как будто бы Евгений, я вижу блеск в его глазах. Силантий тут же улыбнулся, видя интерес, продолжил свой рассказ.

– Был у меня знакомый монах, оставил он дочери приёмной своей свой дом и принял постриг. Вернулся он через год домой, и что он видит. В доме вертеп и запустение. Живут с ней две подружки, а впечатление такое, что рота солдат на постое. Чини бардак, мы здесь проездом. Вскипело сердце его родительским гневом. Но стыдно стало ему за помыслы свои перед Богом. Вспомнил он свою бесшабашную молодость, что сам творил в своё время. Так она в сравнении с ним прошлым просто ангел. Так он мне сказал. И смирилось сердце его. Сказал он тогда в сердце своём: «Благодарю тебя, Господи, за то, что есть у меня ещё время помолиться о себе грешном». Смирение подарило ему выбор между ссорой, гневом, слезами, обидами на одной чаше и голосом совести и высшей справедливостью любви и долготерпения на другой. Подошёл он к дочери своей и сказал: «Прости меня за то, что осудил тебя в ведении хозяйства твоего». И оставшиеся два дня, что гостил у неё, он жил в чистоте дома своего бывшего. И был свидетелем силы молитвы своей. Крики, унижения и оскорбления, упрёки и увещания не дают таких результатов. Вот что такое смирение! Потушил пламя огня внутреннего гнева водой смирения от совести своей. А мне сказал, чтобы молился я, работал, жил в местах, где не гордыне, а душе комфортно. Не ищи карьеры, где оговор, разврат, интриги. Не грейся у геены огненной. Э, да, кажется, я сам с собой болтаю?

Действительно, а что Евгений? Заслушался я сам, забыв о горемыке. Сидел напротив и молчал Силантий, боясь хоть чем покой лица его нарушить. Прикрытые глаза, и нет гримасы

боли и страданий. Как будто бы по шею тело в ужасном мире горя и войны, а голова его над этим мраком. И словно бы его глазами сверху посмотрел Силантий на место казни, где они вдвоём сидели на коленях друг пред другом. Словно на арене, а зрители – товарищи их, русские солдаты. В гримасах их читалось всё. Там был и страх, и гнев, и жажда мести. Но странно, недоступно человеческому глазу сидел и медитировал Кародо. И захотелось встать и посмотреть, а так ли это. Но взгляд ожившего лица, остановил его порыв. И голос словно подтвердил, что он ещё живой.

– «Праздник сердца» называлось видение моё.

Немного помолчав, человек с кровавыми бинтами, продолжал.

– Я словно из развратной, пьяной, сумрачной постели поднялся, нет, не поднялся, как будто кто-то вырвал из неё. А дальше. Зелёный яркий свет лесной поляны и разноцветье луговых цветов. А воздух! Их аромат безбрежный обсуждает щебетанье птиц. И этой красотой я землю обнимаю. Вдруг слышу песни, наши, русские, родные, прервали мой полёт. Но слов не понимаю. Смотрю на собственное сердце. От песен этих оно горит, ну словно пламенем свечи, тёплый, вечный огонек. Сквозь время этот звук приятный делает огонь плотнее, ярче, чище. Вдруг вспышка, впечатление такое, как будто бы над временем я встал. Я здесь и там, откуда песни слышу. Парни, девушки, совершенные во всём, а голоса их душу вынимают, зовут куда-то в небеса. Осознаю себя, иду вдоль строя девушек. Прекрасна и стройна, обнажена их плоть. Их ясный взгляд нисколько не смущает. Ведь вижу я не плоть, а чистые сердца. Полу-прозрачными мне кажутся тела. Но чувствую в себе, чего-то не хватает. Нет ощущения привычного себя. Но что же это? Вдруг я понимаю, нет мыслей похоти, нет в чреслах похотливого огня. Лишь только моё сердце пламенем пылает, давая силу разуму осознавать себя. И это позволяет смотреть в глаза их чистые. Ещё вдруг понимаю, что-то происходит между мной и той, напротив которой становлюсь. И вижу чудо, словно в шаре, между нами над уровнем земли сидит ребёнок! Смотрит на меня. Один сердито, а стоит подойти к другой девице, тот плачет, а у иной смеётся, кто прячется в смущении. И вот я подхожу к последней девушке, и сердце вспыхнуло от нежности, любви вселенской и бесконечной благодарности в её глазах. А главное – ребёнок, нет, не в шаре, как с другими, сидел в её заботливых руках. И улыбался. Мне казалось, то была улыбка Бога. И не было по силе сильной и чистой по чистоте своей таких глубоких чувств в судьбе моей с рождения. Вдруг словно мысль меня коснулась: «Чтоб жить, необходимо умереть. Должна погибнуть плоть, словно вспаханное поле, и возродился дух без сорняков». Кубарем катился я назад по жизни прожитой своей. И понимал. Не дочитал я книгу сердца своего, которую перед рождением своим в руках своих держал. Мысли гнева, похоти, гордыни, они как кляксы, потёртости и трещины на каждой из страниц. Читать мешают, уничтожая текст. Они, как тучи, солнце закрывают. Мой разум отнимая, стремясь в безумие погрузить меня.

Евгений замолчал, но после, вострепнувшись, словно прочитал какой-то текст из книги, произнёс:

– Две стороны одной медали, одну стороною в прах, другую в вечность. Для жизни нынешней – гордыня, для вечности же совесть.

И вновь продолжил, немного помолчав, уже к товарищам своим.

– Коль скоро были далеко, – он крикнул им. – Простите вы меня, друзья, вне совести моей, за то, что мысли в ваших головах посеял, не слушая я сердца своего. Прости меня, Макар, за всю заботу о себе, тебе я должен ноги целовать, а я... Прости меня, за всё прости.

Слезу не пряча, смотрел уже он в небеса, чему-то улыбаясь.

– О, Боже! Как прекрасна жизнь, и даже если это понимаешь в предсмертный час, прожил не зря!

И обратив свой взгляд к Кародо, беззлобно, даже как-то с теплотой, он произнёс:

– Какое счастье, что ты, нерусь, не знаешь пословиц наших русских. Мне не нужна своя же в покаянии для жизни в этом мире голова. Давай руби, к чему мне жизнь пустая. Искать любовь не сердцем, а вон, на ощупь, – он взглядом указал на срубленные кисти, – глупая затея. Как говорил отец, с пустым крючком над рыбой улыбаться.

Немного помолчав, чему-то улыбаясь, Силантию он молвил:

– Ты прав, любовь к Богу начинается со слов благодарности и чувств любви к врагам своим. Не смерть увидишь ты сегодня, рожденье духа, по чистоте души своей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.